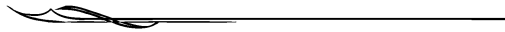

*Терри Пратчетту — великому
и неподражаемому*

*Студентам прошлого,
настоящего и будущего*

СМЕРТЬ НА ГРЯДКЕ

Представьте огромную, длиной в десять тысяч километров, а шириной — в восемь, скатерть, сшитую из множества разноцветных прямоугольных лоскутков.

По периметру скатерть огорожена заборчиком из гор высотой в десять километров, по углам торчат еще более высокие пики. В центре поднимается пирамида окутанного льдами и туманами Влимпа, обиталища богов.

Они, по преданию, и создали этот выкидыш космической фантазии, называемый Лоскутным миром. Собрали куски понравившихся им вселенных и склеили, не очень заботясь о логичности и жизнеспособности результата.

Сами боги яростно отрицают свое участие в процессе творения, но им мало кто верит.

Лоскуты состыкованы безо всякого порядка и разделены четкими границами. Прямая линия может отгораживать джунгли от громоздящихся ледников или безводную пустыню от моря.

Крошечное солнышко, что светит, но не греет, вращается вокруг коротких сторон «скатерти». Под ней находится поддон — Нижний мир, где трудятся, поддерживая высокую температуру в сотнях громадных печей,

демоны. Без их тяжелой работы Лоскутный мир давно бы замерз под холодным дыханием космоса.

Стороны света тут называются не совсем обычно: есть Восток и Запад, а также Право и Лево по ходу солнца.

На весь Лоскутный мир знаменит Лоскут, большую часть которого занимает город. Называется он Ква-Ква. Имя это произошло, как следует из древних легенд, оттого, что вдоль реки, протекающей в данном Лоскуте, некогда обитало огромное множество лягушек.

Лягушки вымерли, их заменили люди. За тысячи лет город разросся и стал самым большим, грязным и мерзким на всем пространстве Лоскутного мира. Но и самым привлекательным.

Его пытались захватить столько раз, что историки сбились со счета. Но завоеватели не достигали успеха. Постоянно успевали обрасти семьями и потомством, прежде чем добирались от окраины до центра. Становились добропорядочными горожанами, а на долю их потомков выпадало следующее нашествие.

* * *

Звуки, доносившиеся из погруженного во мрак сада Магического Университета, самого известного учебного заведения Лоскутного мира, можно было назвать сопением, крихтением и пыхтением. Время от времени они прерывались вполне членораздельными возгласами:

— Ах, чтоб тебя... вылазь, зараза! Соппротивление бесполезно... Ух!

Произносилось все это ломким юношеским баритоном.

Чуткий слух уловил бы еще один голос, тонкий и противный, будто комариный писк.

— Уйди! — возмутился этот голос. — Я нажалуюсь прохфессору... Нет, декану! Да что это за люди пошли,

среди ночи будят и ташат куда-то! И еще называют себя разумной расой?

Зоркий взгляд, проникнувший за высокий забор Магического Университета, в просторечии называемого обыкновенно МУ, различил бы среди деревьев, в том месте, где располагались грядки со всякой волшебной ботвой, невысокую человекообразную фигуру.

Склонившись к земле, она что-то яростно из нее тянула, словно тот самый дедка из сказки, решивший обойтись без помощи бригады в составе бабки, внучки, Жучки, кошки и вольноопределяющейся мышки.

— Не куда-то! — пыхла фигура, совершая дергающиеся движения. — А для важных научных опытов! Хватит корнями цепляться!

— Браки! — натужно отвечал тонкий голос от самой земли. — Опять самогонку из меня гнать будете! Алкоголики юные! Вот я в ваши годы...

— Ты в наши годы, так сказать, еще... — начала было отвечать фигура и замерла, к чему-то прислушиваясь.

Прошелестел по верхушкам деревьев ветер, слабый свет мелькнул среди стволов. Стоявший на грядке покачнулся и рухнул без единого звука. Треснули сминаемые стебли.

— Эй? — удивился тонкий голосок, принадлежавший мандрагоре. Более никто из обитающих на грядках разговаривать не умел. — Ты где?

Но ответа не последовало, и болтливое растение испуганно примолкло. Рядом с ним произошло нечто странное — это оно почувствовало всеми ветками. Древний инстинкт подсказал единственно верную тактику — замереть и не отсвечивать. Душа мандрагоры стремительно скользнула в корень.

Тело нашел на рассвете обходивший сад немой сторож. По зеленой, перепачканной землей мантии он понял, что погибший учился на факультете магии нечеловеческих существ, по четырем полоскам, вышитым на

левой стороне груди и расположенному чуть ниже изображению собаки, — что принадлежал к четвертому курсу кафедры магии животных. Но опознать студента не сумел.

Вместо лица у трупа скалился начисто обглоданный череп.

Проверять, сохранилось ли что-то под мантией, сторож не стал. Героически поборов рвотный рефлекс, он побежал к корпусу, где досматривал последний сон дежурный преподаватель. В МУ начался переполох.

Примерно спустя час, когда сквозь ворота проходили ненормальные студенты, проснувшиеся к первой лекции, грядка с погибшим напоминала облитую вале-риановой настойкой грудку мусора.

Вокруг нее все кипело, суетилось и вопило.

Посадки чуть не погибли под наплывом преподавателей, решивших лично посетить место происшествия. Над телом колдовали два поцента с кафедры медицинской магии. Вокруг бегали специалисты по транспортному и управленческому чародейству, хотя делать им тут было совершенно нечего.

Яростно дискутировали, сверкая глазами и размахивая руками, два профессора, один с кафедры нечеловеческих рас, другой — с кафедры магии растений.

— Эта мандрагора — растение, ибо в земле обитает, корневищами обладает и листовидна сверху есть! — брызжа слюной, доказывал один.

— Никак нет! — язвительно отвечал другой, скручивая из пальцев мудру, в простонародье именуемую «фигой». — Мандрагора — суть разумная раса, поелику способна к речи, обладает интеллектом и даже сварливым характером!

В оном достойный специалист по растениям успел убедиться. Куст, который он пытался расспросить о том, что происходило ночью, отвечал: «Ничего не знаю, спал я!» В ответ на обещание пустить его на корзинки послал профессора в компостную яму, после чего обещать отказался.

— Вот уж нет! — судя по покрасневшему лицу знатока разумных рас, дискуссия грозила перейти в фазу рукоприкладства. Отвечать за мерзкую мандрагору, какой-то веткой замешанную в смертоубийстве, не хотел никто.

За спинами преподавателей замелькали фигуры любопытных студентов. У них, как известно, нюх на происшествия гораздо лучше, чем у обычных разумных созданий, так что утаить случившееся в университете не смогли бы даже боги, собравшиеся ради такого дела вместе.

Первым возник, точно стусившись из воздуха, главный сплетник кафедры пограничной магии Айра Петян. Он прославился тем, что три года подряд проходил программу второго курса.

Синяя мантия болталась на Петяне, как на пугале, сальные черные пряди свисали до плеч. Взгляд профессионального переносчика слухов был остр и блестящ.

К месту происшествия тянулись новые и новые зеваки. Толпа росла и густела.

Мэтр Тугодум, декан факультета магии нечеловеческих существ, чьих студентов с незапамятных времен прозвали «монстрячниками», вынужден был пробиваться сквозь нее при помощи собственного посоха.

— А ну разойдитесь! — вешал он сварливым, пронзительным голосом, напоминающим шум от работающей дрели, охаживая любопытствующих по спинам и ягодицам. — Марш на занятия! Кто за вас учиться будет?

Студенты при виде начальства подались в стороны. Но стоило декану добраться до места происшествия, вновь сомкнулись вокруг галдящей и пересмеивающейся стеной.

Мэтр Тугодум зловеще хмыкнул и взмахнул посохом. Пророботал что-то, и мантии студентов, ожившие от ловко брошенного заклинания, потянули их владельцев к учебному корпусу. В волне воплей, писка

и визга зевак утащило прочь. Последним уволокло Айру Петяна, изо всех сил цеплявшегося за деревья и кусты.

Закончив студенческий экзорцизм, декан «монстрячников» повернулся к коллегам.

— Ну что? — поинтересовался он.

Поценты медицинской магии переглянулись, потом правый из них заговорил:

— Исходя из материалов произведенного сего дня осмотра, мы с коллегой сочли возможным инкриминировать смерть.

— Потрясающий вывод! — усмехнулся декан. — Дальше.

— Сия смерть наступила впоследствии аномальной ликвидации органических составляющих телесной ткани...

— Говорите нормально, — грозно сверкнул глазами мэтр Тугодум. — Вы не на лекции. Отчего он умер?

— Мы не знаем, — тихо ответил второй поцент. — Создается впечатление, что его частично и мгновенно обглодали, причем не только снаружи, но и внутри. Никаких следов магии.

Декан наклонился, разглядывая тело, мантия на котором была разрезана. От головы остался только череп, поперек груди тянулся широкий проем, сквозь который видно было, что отсутствует половина сердца, а в легких зияют дыры. Один башмак выглядел так, будто его грызли.

— Части тела и одежды словно испарились, — сообщил один из поцентов, — и никаких следов зубов или когтей.

— Зверинец проверили? — мрачно поинтересовался мэтр Тугодум. — Может, кто оттуда сбежал?

— Осмотрели со тщанием, — подобострастно ответил прохфессор, возглавляющий кафедру магии животных. — Все на месте, защита в порядке, клетки целы.

— Может, это какое-то дикое животное? — предположил кто-то из младших преподавателей. — Хищник?

— Самый опасный хищник нашего Лоскута — бродячие собаки, — скептически ответил прохфессор животноводства. — Но их проникновение на территорию университета исключено.

— Демон? — предположил мэтр Тугодум, взглядом, сулившим пытки, щекотку и лишение сладкого, отыскивая заведующего кафедрой демоноведения.

— Никаких признаков проникновения из Нижнего мира, — пожал тот широкими плечами, — а у нас в лабораториях демонов сейчас нет.

— Кто же тогда? — с таким количеством яда в голове, что его хватило бы на добрую дюжину змей, спросил декан. — Боги? И на что им сдался этот студент, занимавшийся, судя по всему, мелким воровством?

Ученые мужи дружно замотали головами и загудели, точно рой пчел, демонстрируя полное согласие с начальством.

— Кстати, за Торопливыми послали? — Тугодум водрузил на лицо маску величайшего отвращения.

— С час назад я отправил одного из ассистентов, — сообщил глава кафедры нечеловеческих рас.

— Что же, я думаю, к обеду они прибудут, — декан усмехнулся так криво, что усмешка вышла почти вертикальной.

На лицах его коллег расцвели одинаковые понимающие ухмылки.

Городская стража, носящая гордое название «Торопливые», славилась в первую очередь медлительностью. Ее доблестные воины прекрасно знали о вреде стресса для здоровья и редко усложняли себе жизнь спешкой на место преступления.

Если из соседнего переуллка доносились дикие вопли «Помогите! Убивают! Режут!», стражники чаще всего решали, что это чья-либо шутка, и топали мимо. А к месту кражи являлись обычно через пару дней.

Но в этот день все почему-то случилось не так. То ли командир стражи Игг Мухомор, носивший звучный

титул Магучий Единственный Ночальник Торопливых (сокращенно — МЕНТ), устроил с вечера разнос подчиненным, то ли они сами нынче вскочили ни свет ни заря.

В любом случае мэтр Тугодум не успел насладиться осознанием того, что в мире есть существа настолько тупые и медлительные, как стражи порядка.

— Всем стоять! — истошный крик заставил всех вздрогнуть. — Лицом к стене, руки за голову!

Ученые мужи принялись озираться, но стены рядом не нашлось. Лицом можно было встать разве что к земле, но брякаться носом в грязь никому не хотелось. Наиболее пугливые из преподавателей принялись поднимать руки. Остальные застыли в нелепых позах, напоминая собрание статуй, что вышли из-под резца скульптора, помешавшегося на создании фигур в мантиях.

— Ладно, умники, расслабьтесь, я пошутил, — басисто расхохотался один из явившихся к месту происшествия стражников.

Одет он был в клетчатую юбку, национальную одежду горцев, обитателей Лоскута Низкие горы. На круглом красном лице застыло свирепое выражение, а с плеч, несмотря на теплую погоду, свисал плотный черный плащ. Сбоку его оттопыривало что-то, похожее на меч.

У других клинки были на виду. Судя по потертым ножнам и одинаковым неудобным рукояткам, носить их могли только городские стражники. Все прочие устыдились бы выйти на улицу с подобными отходами оружейного дела.

— Вы кто такие будете? — приняв вид оскорбленного достоинства, спросил мэтр Тугодум.

— Те, кто бережет твой покой и сон, — лениво растягивая слова, ответил длинноносый парень, чьи кудри, торчавшие из-под форменного шлема, были аккуратно завиты и намазаны чем-то блестящим.

Из кустов за грядками донесся негромкий шорох. Торопливый в юбке среагировал так быстро, что никто не понял, что происходит. Рука его нырнула под плащ и тут же вернулась, держа что-то маленькое. Раздался звонкий шелчок, и из зарослей долетел сдавленный вопль.

— Попался, гад! — с удовлетворением заметил стражник и, спрятав обратно под плащ маленький арбалет, ринулся к кустам.

Преподаватели с ужасом наблюдали за происходящим.

Из убежища в зарослях шиповника был за шкуру извлечен воющий от страха Айра Петян. Воспользовавшись тем, что заклинание декана ослабло, он вновь пробрался к месту убийства.

— Шпионил, сволочь, — довольно сказал Торопливый в юбке, разглядывая торчавшую из плеча студента короткую стрелу. — Ну что, будем его бить здесь или отведем к нам? Там имеется такая уютная комната для допросов...

От ужаса Айра Петян замолк. Глаза его выпучились, точно студент уселся на ежа.

— Э, — осторожно вмешался мэтр Тугодум. — Это всего лишь наш учащийся...

— Брось его, Дука, — лениво проговорил длинноносый, склоняясь к телу. — Давай займемся делом...

Торопливый в юбке с сожалением встряхнул любопытного студиозуса за шкуру и выдернул из его телес стрелу. После этого Айра Петян был сильной рукой возвращен в объятия кустов шиповника. Судя по возобновившемуся вою, они не оказались особенно ласковыми.

— Кто нашел труп? — поинтересовался третий из стражей порядка, невысокий и плотный, точно мешок с картошкой.

— Наш сторож, — сообщил декан.

— Где он?

— У себя в сторожке, — Тугодум поднял руку, — но...

Договорить ему не дали. Длинноносый, бывший, судя по всему, старшим, рывкнул:

— Сержант Калис — допросить сторожа! Выполнять!

Торопливый в юбке, перезаряжавший арбалет, едва не выронил его. Отдал честь, со звоном приложив руку к шлему, который на его голове смотрелся, точно корыто, и шустро зашагал в сторону ворот.

— Сержант Ргов! — продолжал командовать носатый щеголь. — Осмотреть здание! Собрать слухи!

— Позвольте... — вновь попытался вмешаться декан, но его явно не слышали.

— Есть! — низкорослый стражник, пыхтя и придерживая болтающийся на бедре меч, больше похожий на нож для резки мяса, отправился к учебному корпусу.

Мэтр Тугодум обиженно замолчал, буравя щеголя сердитым взглядом. Делал он это осторожно, помня о том, что от подобных взглядов в исполнении мага на теле визави иногда могут остаться самые настоящие дырки.

Торопливый, несмотря на присущую ремеслу толстокожесть, что-то почувствовал. Закончив созерцать труп, он поднялся и пробормотал с легкой ноткой неуверенности:

— Э, мне... хм... наверное, нужно, представиться. Я — лейтенант Поля Лахов, городская стража Ква-Ква.

Не успел декан ответить, как едва наметившееся взаимопонимание сил науки и общественного порядка было нарушено самым грубым образом.

— Молчит, гад! Отказывается давать показания! — Громкий и грубый голос принадлежал, без сомнения, сержанту Дуке Калису.

Вслед за голосом явился и сам сержант, толкая перед собой университетского сторожа. Тот мычал и пытался всеми возможными способами доказать свою

невиновность. Но делать это в согбенном положении с закрученной за спину рукой было довольно затруднительно.

— Так, ты почему молчишь? — грозно спросил Лавов.

— Да потому, что он немой! — в свой шипящий ответ мэтр Тугодум вложил столько злости, что окажись рядом иной Темный Властелин, он бы от зависти умер на месте.

Торопливые переглянулись и одновременно почесали собственные шлемы в районе затылков.

Здание Магического Университета, если поглядеть на него с высоты птичьего полета, похоже на громадную гребенку с четырьмя толстыми прямоугольными зубцами, брошенную рассеянным великаном у берега реки Ква-Ква.

От ее основания по краям отходят назад два зубца потоньше. Они заняты подсобными и хозяйственными помещениями. А заодно ограничивают собой задний двор, почти целиком заросший деревьями. В его дальней части, у самой ограды, расположились грядки, ставшие местом неприятного происшествия.

Торчащие вперед зубцы, что так же мало подходят для причесывания, как топор — для плавания, отведены под факультеты. В каждом по четыре наземных этажа лабораторий, аудиторий и прочих необходимых для учебного процесса помещений. Подземные уровни, а их, по слухам, пять, содержат места более интересные, и пускают туда далеко не каждого студента.

Основание гребенки — пространство общего пользования. Тут пристроились кафедры, услуги которых нужны всем факультетам, — истории Лоскутного мира, теории магии. Кроме них нашлось место ректорату и прочим службам, работающим на благо университета в целом.

Здание пронизано многочисленными лестницами и

переходами, изгибающимися, петляющими и ветвящимися самым причудливым образом. Архитектор, возводивший МУ, страдал прогрессирующим безумием. Неудивительно, что порядка в его творении оказалось примерно столько же, сколько в борделе во время пожара.

Ориентироваться во всем здании не умел никто. Старые профессора, прослужившие на ниве магического образования лет двести, имели возможность запомнить все аудитории, но их подводил склероз. Обычные преподаватели знали лишь окрестности собственной кафедры, студенты — чуть больше. Время от времени в отдаленных закоулках отлавливали бедолаг-первокурсников, бродивших по коридорам с горестными стенаниями: «Люди! Ау! Где я?»

Чужаку, первый раз попавшему в здание, сориентироваться тут было сложнее, чем отыскать в муравейнике гардероб. Но доблестный сержант Васис Ргов этого не знал. Не имея возможности не выполнить приказ начальства, он бестрепетно вошел в университет. Смешался с толпой студентов с тем же успехом, как масло смешивается с водой, и начал выполнять задание.

В студенческих харчевнях всегда стоит одинаковый, не зависящий от направления ветра и времени суток запах горелого теста и тухлого мяса. Как одно сочетается с другим — не в силах объяснить ни один научный трактат, ведь блюда, которыми потчуют мучеников науки, не так часто состоят из этих двух компонентов.

Харчевен в МУ имелось четыре, по числу факультетов. Относившаяся к ведомству магии нечеловеческих существ носила провокационное название «Сушеный дракон». Узнай о нем хоть один поклонник расы агрессивных рептилий, не миновать бы университету налета и пожара.

В «Сушеном драконе» всегда было полно народу,

даже во время занятий. На переменах здешнему столпотворению мог бы позавидовать городской рынок.

Арс Топыряк, студент третьего курса кафедры демоноведения, с трудом пробивался сквозь толпу, держа в руках поднос со снедью. Подобно кораблю в бурном, кишасщем акулами море, он прокладывал курс к столу, где расположился, заняв место, его приятель Нил Прыгскокк.

Когда Арс плюхнулся на стул, вздох облегчения, вырвавшийся из его груди, сдул бы средних размеров привидение, случись оно поблизости.

— Ну что, поедем? — спросил Нил, улыбаясь во всю наглую, рыжую, да еще и веснушчатую физиономию. — А то у меня после этой лекции в животе урчит.

Лекция по предмету «Основы классификации демонических существ» выдалась, как обычно, скучной до умопомрачения. Лектора почти не было видно из-за кафедры, слышался лишь его монотонный голос. Половина студентов засыпала через пятнадцать минут после начала, вторая — к середине. Лишь самые стойкие отличники продолжали скрипеть перьями, изо всех сил сдерживая зеवоту. Иногда тягучие завывающие звуки ухитрялись прорваться сквозь ладони и заставляли пугливо вздрагивать тех, кому снились не самые приятные сны.

Лектор принимал зевки за вопросы и продолжал что-то объяснять.

Как Прыгскокк ухитрился проголодаться в таких условиях — оставалось непонятным. Хотя если честно признаться, есть он хотел всегда.

— Давай, — без особенного воодушевления ответил Арс, разглядывая содержимое своего подноса.

Назвать это едой смог бы разве что человек с богатым и нездоровым воображением. В кружке плескалась мутная жидкость, в меню обозначенная как «компот». Судя по цвету и консистенции, она могла оказаться чем угодно, от обмылков с кухни до мочи бешеного быка.

То, что лежало в тарелках, выглядело не лучше.

Небрежно порубленная горка зелени, которую, судя по засохшей на ней грязи, забыли помыть, изображала салат. Из ботвы выглядывали куски чего-то, похожего на огурцы, капля белого вещества на краю тарелки сим-волизировала сметану.

Хлеб был такой твердости, точно его сушили специально. Огромная кость с неведомо как задержавшимися на ней волоконцами сухожилий изо всех сил притворялась жареным мясом. Гарнир представлял собой кучку обрезков от самых разных овощей. Арс разглядел морковные хвостики, очистки репы и очень тонкие ломтики кабачков, в основном состоящие из шкурки.

Завершал трапезу горелый пирожок размером с мелкую монету. Начинка его грозила стать сюрпризом. Стоило только надеяться, что ею не окажется героически погибший в печи таракан.

— Даже шакал не стал бы это есть, — заявил Топыряк с печальным вздохом. — Только студент.

— Да ладно тебе привередничать, — жизнерадостно откликнулся Нил, которому испортить аппетит не смогла бы даже найденная в тарелке мокрица. — Ешь давай.

Сам он с яростным хрустом грыз кусок хлеба, а суп исчезал из тарелки Прыгскокка с такой скоростью, точно его откачивали насосом.

Не успел Арс управиться с салатом, как по коридорам, перекрывая топот и гомон, пронесся тягучий мощный гул «Бомм! Бомм!». Колокол, висевший у ректората, давал знать, что время перемены закончилось. Часть сидевших в харчевне студентов ринулась в коридор, дожевывая на ходу.

Бить в колокол, звук которого с помощью хитроумных заклинаний распространялся по всему зданию, было обязанностью пожилого профессора, оставившего преподавание и носящего титул Хранителя Времени.

Снабженный песочными часами и величайшим са-

момнением, он фактически обитал в маленькой каморке около колокола. Только его рукам повиновалась уходящая в громадное бронзовое чрево веревка.

Как-то раз старшекурсники, воспользовавшись рассеянностью очередного Хранителя, добавили ему в чай сонной настойки. Старик благополучно уснул, и перемена продолжалась вместо положенных пятнадцати минут почти два часа. Преподаватели, привыкшие делать все по колоколу, благодушествовали, студенты предавались радостному ничегонеделанию. Только когда за окнами начало темнеть, один из деканов что-то заподозрил.

Скандал вышел первостатейный. Хранителя отправили на покой, заменив на чуть более шустрого. Пару студентов выгнали из МУ, еще несколько отделались разного рода наказаниями.

Услышав колокол, Арс вздрогнул и по привычке собрался куда-то бежать, но вовремя вспомнил, что сейчас «окно». Судя по тому, что народу в харчевне после колокола почти не убавилось, оно же было и у всех остальных.

Пока Топыряк сражался с костью, Нил, успевший слопать все, откровенно скучал. Без особого успеха попытавшись познакомиться со второкурсницей с кафедры магии растений, он неожиданно толкнул Арса в бок.

— Чего тебе? — спросил тот, едва не подавившись.

— Смотри, Торопливый. Чего ему тут надо?

В харчевню, подозрительно оглядываясь и крутя носом, точно охотничья собака, входил городской стражник. Его начищенный шлем, напоминавший ночной горшок модернистской конструкции, сверкал сквозь кухонный чад. Кольчуга походила на сеть, украденную у безумного рыбака, меч на боку казался нелепым украшением.

— А, ты не знаешь? — усмехнулся Арс, радуясь, что хоть раз в жизни узнал что-то раньше болтливого приятеля. — Это потому, что прогулял первую лекцию. Се-

годня ночью кто-то чудным образом убил одного из наших.

— Кого? — зеленые глаза Нила выпучились, нос, похожий на картофелину, зашевелился.

Ответить Арс не успел.

Торопливый, обзрев харчевню, почему-то двинулся к ним.

— Хм-м... ух-х... м-м... — остановившись около столика, он некоторое время грозно пыхтел и сверкал глазами.

Отношения между студентами и городской стражей складывались не самые теплые. Учащиеся МУ любили повеселиться, побить фонари у домов зажиточных горожан, глубокой ночью попеть на улицах легкомысленные песенки, побуяннить в кабаках. Торопливым это, по непонятным причинам, не очень нравилось, и они при случае поколачивали молодежь. Та платила им пылкой нелюбовью.

Так что явившемуся в харчевню стражнику было сложно обратиться к классовым врагам. Но он героически одолел предрассудки, и через невнятное бурчание и суровое пыхтение с трудом протиснулись членораздельные слова:

— Э-э-э... вы есть... ы-ы-ы... студенты?

Вопрос являл собой верх идиотизма.

Арс поглядел на Нила, облаченного в яркую зеленую мантию. Кроме разумных существ, имеющих отношение к магии, подобную одежду никто не носил. Более того, на правой стороне груди у каждого из сидевших за столом красовался символ МУ — корова, поедающая пергаментный свиток. На левой виднелись три полосы, означающие третий курс, и перекошенная рожа — знак кафедры демоноведения.

— Нет, — невинно ответил Прыгскокк, — мы гномы с огромными топорами. Потомственные горняки.

На лице Торопливого появилось озадаченное выражение. На лбу, пониже шлема, задвигались складки.

Скорее всего, подобные телодвижения символизировали умственную деятельность.

— Это шутка? — предположил стражник нерешительно и с большей уверенностью продолжил: — Я сержант городской стражи Васис Ргов. Мы расследуем убийство, что нынче случилось в парке университета. Можете вы что-нибудь сообщить по этому поводу и оказать тем самым помощь?

Хотя вопрос был задан двум приятелям, его услышали все, находившиеся в этот момент в харчевне. В «Сушеном драконе» наступила полная тишина. Слышно было, как шипит на кухне что-то жарящееся и как скрежещет по костям старый тупой нож в руке повара.

— А я думал, что все расследование будет проходить секретно, — сказал Арс.

— Оно и проходит секретно, — сержант нахмурился и бдительно огляделся, чтобы проверить, не подслушивает ли его кто недозволенный. В дымной атмосфере харчевни его блестящий шлем неумолимо покрывался копотью. — Но мне велено собирать слухи. Вы ведь учились на одном факультете с погибшим? Может, что-то знали о нем?

— Это у животноводов надо спрашивать, — хмуро кивнул Топыряк, называя студентов кафедры магии животных общепринятым прозвищем. — Поговаривали, что он эликсирами своего изготовления приторговывал... Ну, для лечения болезней у скота. А так — ничего особенного, студент как студент.

Васис Ргов извлек из ножен лист пергамента и с умным видом принялся черкать по нему карандашом.

— Он еще и писать умеет, — в полном восхищении пробормотал Нил.

— А как вы его опознали? Лицо-то не сохранилось? — спросил сержант.

— Так Инар всегда носил на пальце это кольцо, — ответил Арс. — Оно только у него было.

— Инар?

— Инар Эрляиди, — пояснил Топыряк. — Он откуда-то слева, из-за гномьих гор. Отсюда и имя такое странное.

Стражник записал что-то на пергаменте, после чего убрал его в кобуру и неожиданно лучезарно улыбнулся.

— Благодарю вас за содействие, — произнес он значительно. — Город не забудет вашей помощи. И, хм... — тут нос Васиса зашевелился, лоя плывущие по помещению запахи, густые, точно суп-пюре, — может быть, мне тут съесть что-нибудь?

Студенты за соседними столиками захихикали, предвкушая потеху.

— Не стоит, — проговорил Арс, неожиданно ощутивший что-то вроде симпатии к стражнику, который мог оказаться вполне славным парнем. — С непривычки от здешней пищи можно получить заворот кишок.

— А как же вы? — глаза сержанта выкатились, а лицо побагровело.

— В студенческом желудке и долото сгниет, — мрачно облизнувшись, вставил Нил.

— Ага, ага, сгниет? Ну надо же... — И страж порядка, медленно пятясь, покинул помещение «Сушеного дракона».

— Так это Инара сегодня убили? — на свободное место около столика тотчас приземлился стул, на котором появилась костлявая фигура четверокурсника с кафедры магии животных.

— Похоже на то, — без особой охоты ответил Арс.

— Ух ты! — четверокурсник подался вперед, глаза его загорелись любопытством. — А что там случилось? Зарезали?

— Нет, что-то странное, — Арс пожал плечами. — Точно-то я разглядеть не смог. Его словно обглодали, но не целиком, а частями. Хочешь узнать подробности — разыщи Айру. Он все знает.

Айра Петян славился на весь университет как гениальный поставщик новостей. Складывалось впечатле-

ние, что о многих вещах он узнавал еще до того, как те случались. На месте будущего происшествия он появлялся раньше всех и жадно впитывал детали, точно вампир — кровь.

Потом его можно было выжимать, точно губку, и рассказы текли из него потоками. Что самое знаменательное, никогда не заканчивались. Они всегда основывались на правде, но ее Айра разукрашивал по своему усмотрению, добавляя занимательные тонкости. Рассказ о засорении туалета в устах Петяна мог звучать увлекательнее «Баллады о Саше Белом и трех богатырях».

— Как же, найдешь его сейчас, — проворчал четверокурсник, почесывая кудлатую голову. — Наверняка носится по университету и треплется по всем углам. А Инара жалко, хороший был парень...

Печально вздохнув, четверокурсник поднялся, а на его место плюхнулся следующий любопытный. Вид он имел наивный и испуганный, что неудивительно — на зеленой мантии красовалась одна-единственная полоска — знак первого курса. С учетом того, что учебный сезон начался десять дней назад, он не провел в МУ и месяца.

— А вдруг это маньяк? — спросил первак шепотом и испуганно оглянулся.

— Кто? — прыснул Нил.

— Ну, маньяк, убивец, — пояснил первокурсник. По выговору можно было определить, что родом он с востока, из Лоскута под названием «Тайга», славного дикими чашобами и малочисленностью населения, которое в своей глухомани верило во всякую ерунду. Вроде маньяков.

— Какие маньяки? — рассмеялся Арс. — Их не существует! В славном городе Ква-Ква никто не убивает людей просто так. Только ради наживы, из мести или находясь в сильном гневе. И для убийства выбирают более удобные места, чем сад университета.

— А может, это гномы? Или эльфы? — предположил первокурсник. — Своим мерзопакостным колдовством.

— Тише ты! — осадил салагу Нил. Двери МУ открыты для представителей всех разумных рас, которых в Лоскутном мире насчитывается около трехсот, но учатся тут в основном люди. Эльфы, гномы и остальные чаще всего предпочитают постигать магическое искусство традиционным методом — проходя многолетнее обучение у наставника. — Будешь хаять гномов, получишь в глаз!

И Прыгскокк, чей отец, богатый торговец, регулярно водил караваны в горы Лоскута, целиком принадлежащего гномам, показал внушительный кулак.

— Следы колдовства, будь оно гномьим, человеческим или эльфийским, легко обнаружить, — вздохнул Арс, печально глядя на собеседника и думая, что в МУ он надолго не задержится. — Пойдем, Нил, чего с ним толковать.

— А я вчера утром у себя под кроватью кучу золота нашел! — в последней попытке привлечь внимание отчаянно воскликнул первокурсник. — Большую!

— Это точно было золото? — расхохотался Арс, поднимаясь из-за стола. — Ты никак не ошибся?

— Не ошибся! — убежденно замотал башкой первак. — Только лег, и тут... Сначала у меня в глазах сверкнуло, потом ветер подул! Я с койки бряк от страха, а там оно! Золото!

— Целая куча! — с деланой жалостью покачал рыжей головой Нил. — Если ты не успеваешь добежать до туалета, то тебе нужно срочно обратиться на кафедру медицинской магии. Им подопытные всегда нужны.

И хохоча на два голоса, приятели покинули харчевню. Первокурсник остался за столом один.

— А ведь я правда его нашел, — прошептал он, обиженно шмыгая носом. — И золото это было. Что я, его не отличу, что ли?

Но беднягу никто не слушал.

Штаб-квартира городской стражи располагалась на берегу реки Ква-Ква. Ее здание стояло внутри кольца стен, построенных для защиты города, тогда еще маленького. Стены сохранились, ныне они огораживали исторический центр и выглядели жутко ветхими. При сильном ветре у любителей старины начиналась паника — как бы не рухнули.

Штаб-квартира не могла похвастаться такой солидной ветхостью, но возраст имела тоже достаточно почтенный. Некогда ее построили в виде маленького форта, с башенками на углах и плоской крышей, с которой удобно обороняться. Стены отличались толщиной, окна походили на бойницы, а дверь могла бы противостоять атаке носорога.

История у здания была богатой. На его счету числились три штурма. Нет, стражу атаквали не враги. Просто жители города, недовольные тем, как оберегается их покой, начинали выражать недовольство активно.

Но происходило все это давным-давно.

Ныне штаб-квартира не устояла бы, атакуй ее даже немощные бабушки на костылях. Стены осели, их изуродовала сетка трещин, одна из башенок рухнула, а прочие покосились. Из-за перекоса входную дверь крепко заклинило, и она не закрывалась, оставаясь распахнутой день и ночь.

Внутри все выглядело немногим солиднее.

Кабинет Магучего Единственного Ночальника Торопливых располагался на втором этаже, прямо у окончания парадной лестницы. Нынешний его хозяин, Игг Мухомор, обитал здесь более шести лет. На стене за его столом висел портрет, с которого из-под любимого головного убора, напоминавшего блин с козырьком, благостно улыбался мэр Мосик Лужа. Рядом устроилась доска с гербом, ибо Мухомор происходил из аристократического старого рода, чем ужасно гордился.

В кабинете хронически воняло брагой. Причин этого никто доискаться не мог, а никакие проветривания

не помогали. Попавшие сюда впервые задавались вопросом — то ли хозяин помещения беспробудно пьет, то ли берет взятки хмельным?

Подтверждал их мысли и герб: желтая пивная кружка на белом фоне.

В данный момент его созерцали лейтенант Лахов и сержант Калис. А напротив, под гербом и портретом мэра, ярился и брызгал слюной их непосредственный начальник, МЕНТ Мухомор.

— Это невозможно! — орал он, и лысина его покрывалась багровыми пятнами, делая главу городской стражи похожим на ядовитый гриб, только раскрашенный наоборот — белая шляпка, алые точки. — Вы должны расследовать преступления, опираясь только на факты и логику! А что я слышу? Про загадочно погибшего студента и про полное отсутствие следов! Какие-то сказки сестер Гримм!

Сестры, три дряхлые старушки с правой окраины, прославились как непревзойденные рассказчицы занимательных историй. Богатейшие горожане спорили за право пригласить их к себе и запустить вечером в детскую спальню.

— И вы еще умудрились потерять сержанта Ргова? — голос Игга Мухомора поднялся до опасных пределов, в окнах задрожали стекла, кружка в гербе задрезжала. — Как? Как подобное могло случиться?

Лейтенант Лахов отер с лица осевшие на нем капельки начальственной слюны.

— Ну, я отправил его в здание университета собирать информацию, — сказал он, — а вы же знаете, какое оно огромное и запутанное...

— Не знаю и знать не хочу! — оборвал его МЕНТ. — Надеюсь, что к вечеру он выберется! Разгильдяи, балбесы, недоноски! Да с кем я работаю?! Другой на моем месте давно бы зарезался собственной зубочисткой!

— Я могу одолжить вам один из своих арбалетов, — предложил добрый Калис.

— Чтобы сюда пришел какой-нибудь лентяй и придурок?! — Игг Мухомор гордо выпрямился в кресле, став похожим на страдающего запором мопса. — Безродный взяточник и карьерист?!

Нынешний глава Торопливых страшно гордился двумя вещами. Аристократическим происхождением — он мог часами вспоминать о деяниях герцогов Мухоморских, которым некогда принадлежали земли слева от города, у самых гномьих гор. И тем, что служит Городу! Не конкретному мэру, а Городу как идее наиболее безопасного места проживания для разумного существа.

Взятки он отвергал со столь великолепным презрением, что осмелившиеся их предложить буквально сгорали от стыда и тут же предавали себя в руки правосудия.

— Чтобы все, созданное непосильным трудом, рухнуло в один миг?! — возопил Мухомор.

Подчиненные безропотно молчали. Они переносили вспышку гнева не в первый раз и прекрасно знали, что она вскоре закончится.

Так и вышло.

Мухомор замолчал, тяжело дыша, обтер заблестевшую от пота лысину носовым платком, размерами более похожим на скатерть. Шумно высморкался и убрал «скатерть», украшенную гербом, в карман.

— Тело вы хоть привезли? — спросил МЕНТ нормальным голосом. — Пусть Знатоки его осмотрят. Хотя уж если маги ничего не обнаружили...

Знатоками называли опытных стражников, что по возрасту не могли гоняться по улицам за преступниками, но чей опыт и ум еще можно было использовать.

— Я отправил за ним телегу, — сообщил Калис.

— Ясно, к завтрашнему вечеру его привезут, — Мухомор свирепо воззрился на сержанта и лейтенанта. — И если вместо фактов вы опять будете рассказывать мне занимательные истории, то в чине капралов отправлю

тесь патрулировать улицы! Да там и останетесь до окончания дней!

Провинившимся Торопливым оставалось только печально вздохнуть и потупить глаза.

* * *

Календарь Лоскутного мира так прост, что разобраться в нем сможет трехлетний ребенок. Боги заключили в год ровно триста шестьдесят дней. А они очень удобно делятся на двенадцать месяцев.

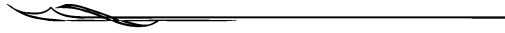
В славном городе Ква-Ква вычурные названия месяцев, что связаны с двадцатью четырьмя Первичными Богами, обычно не употребляются. Их называют просто по порядку — Первый месяц, Второй и так далее.

Зима — время отпусков для демонов, когда им дают отдохнуть, а по всему Лоскутному миру становится холоднее. Она длится с Первого месяца по Третий. Потом топки Нижнего мира потихоньку набирают жар, пока не наступает лето — с Седьмого по Девятый месяц. Это время перерыва в занятиях, студенты младших курсов отдыхают, старших — проходят практику. С Десятого месяца начинается новый учебный сезон. Тут демоны в ожидании скорой передышки начинают халтурить, и летняя жара потихоньку слабеет.

Дни гораздо более индивидуальны, чем месяцы. Каждый имеет собственное имя и связанные с ним приметы. Отчего так повелось, не помнят даже седобородые проффессора с кафедры истории. Начало календаря надежно теряется в самых первых веках существования Лоскутного мира, когда никакой истории еще не было.

Первый день каждого месяца носит имя Шустрой Черепахи, второй — Лысого Льва. Смерть в саду Магического Университета приключилась в дату, помеченную знаком Отважного Зайца. На следующий день, отведенный Зоркому Кроту, запланировали первый на этот сезон литробольный матч.

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ НА ГРЯДКЕ	5
ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ	175
ГОРОДСКОЙ ГЕРОЙ	305